

Н. П. ПЕТЕРСОН

<Из воспоминаний о Федорове>

Впервые увидел я Н. Ф-ча 15 марта 1864 г. в г. Богородске, Московской губернии, где он был учителем уездного училища по предмету истории и географии. И я приехал в Богородск в качестве учителя уездного училища — арифметики и геометрии; но цель моего приезда была пропаганда революционных идей и устройство революционного кружка. Я — уроженец Пензенской губернии; по окончании в 1861 г. курса Пензенского дворянского института я приехал в Москву в университет. Но в университете в это время начались волнения, собирались сходки, ходили к дому генерал-губернатора с какими-то требованиями, на лекции никто почти не ходил и ничему не учились. В январе 1862 г. по приглашению Л. Н. Толстого я уехал в Ясную Поляну учителем одной из школ, которые Л. Н-ч, будучи мировым посредником, открывал в своем участке. В мае месяце Л. Н-ч от должности мирового посредника отказался, но открытые им школы некоторое время продолжали существовать, хотя сам Л. Н-ч, видимо, охладел к ним. В сентябре 1862 г. Л. Н-ч женился и совсем перестал заниматься школами, — перестала существовать школа даже в самой Ясной Поляне. С осени в этой школе должен был заниматься я вместе с самим Л. Н-чем; но учение не начиналось, несмотря на мои напоминания. В конце концов брат Л. Н-ча, Сергей Н-ч, пригласил меня давать уроки его сыну, который жил с своею матерью в Туле, и я покинул Ясную Поляну. В Туле я прожил недолго и опять уехал в Москву, где в 1863 г. снова поступил было в университет. Однако ученье не шло на ум: я попал в революционный кружок моих товарищей по Пензенскому дворянскому институту и сверстников по Пензенской гимназии, в числе которых был Каракозов, совершивший покушение 4-го апреля 1866 года. Перед отъездом в Богородск один из членов кружка сообщил мне, что в Богородске учителем Н. Ф-ч Федоров¹, человек необыкновенного ума и честности. Мы же тогда думали, что все умные и честные люди на нашей стороне, а потому я в тот же день, как приехал в Богородск, отправился прежде все-

го к Н. Ф-чу. Он был тогда лет сорока, красивый брюнет, среднего роста, с прекрасными карими глазами, а не с голубыми, как говорит Илья Львович Толстой в своих воспоминаниях². При первом же знакомстве я, по молодости своей, — мне не было полных двадцати лет, — выложил пред Н. Ф-чем всю душу свою и сообщил, с какою целью приехал в Богородск. Выслушав меня, Н. Ф-ч сказал: «Не понимаю, о чем вы хлопочете. По вашим убеждениям, все дело в материальном благосостоянии, и вот ради доставления материального благосостояния другим, которых не знаете и знать не будете, вы отказываетесь от собственного материального благосостояния, готовы пожертвовать даже жизнью. Но если и тем людям, о которых вы хлопочете, материальное благосостояние также не важно, как и вам, — о чем же вы хлопочете?» Начав так беседу, Н. Ф-ч сказал потом, что даже так называемые великие принципы французской революции свидетельствуют о крайнем недомыслии и легкомыслии провозгласивших «свобода, равенство и братство», потому что из свободы следовать своим личным влечениям, исполнять свои прихоти и из завистливого равенства произойдет не братство, а вражда. Нужно искать прежде всего братства, а все прочее (т. е. свобода, равенство) приложится, потому что, почувствовав себя братьями, мы не будем лишать своих братьев свободы, поднявшись же над своими братьями, мы и их поднимем до себя. Затем Н. Ф-ч припомнил, что Руссо говорит, будто все люди рождаются свободными. — На что свободными, — спрашивает Н. Ф-ч, — на то, чтобы умереть? Новорожденный без забот о нем непременно должен умереть; а всякая о нас забота налагает на нас обязанности в отношении заботящихся о нас, делает нас не свободными в отношении наших близких³.

Все это меня так поразило, что я в первый же день нашего знакомства не ушел от Н. Ф-ча, остался у него ночевать. Н. Ф-ч никакой постели и даже подушки не имел, спал на голой лавке, и я переночевал у него таким же образом. И с этого первого дня все остальное время нашей совместной жизни в Богородске я почти не расставался с Н-м Ф-чем: отправляясь в училище, я заходил за ним, и из училища уходили обыкновенно вместе; пообедав у себя на квартире, я шел к Н. Ф-чу, и мы отправлялись гулять на реку Клязьму, в лесок, бывший тогда около Богородска, вообще в окрестностях города и никогда по самому городу (в 1864 году весна была ранняя, скоро стало сухо и так тепло, что 25 марта, на Благовещенье, мы гуляли уже без верхнего платья); затем пили вместе чай на квартире Н. Ф-ча, и я уходил от него поздно ночью. В это время Н. Ф-ч говорил мне, что наше существование не бесцельно, как это нынче думают, что мы не обречены на бессмысленное существование, а затем и на бесследное исчезновение, что наша цель — всеобщее воскрешение, восстановление всего погибшего и

жизнь бессмертная. И я, не сомневавшийся тогда, что все произошло само собою, путем эволюции, услышал от Н. Ф-ча: Если это так, если путем эволюции материя и присущие ей силы дошли до создания существа, носящего в себе разум, с которым явилась в мир новая сила, способная комбинировать все другие силы, ставить их в различные сочетания, способная располагать, управлять теми самыми силами (свойствами материи), которые и *без разума* дошли до создания всего, что мы видим, — создали самого человека, — чего же не создадут эти силы с разумом?!.. Все эти силы и после явления в мир разума никуда не исчезли, не могли исчезнуть и продолжают свою обычную деятельность, остались такими же, как и были, т. е. созидающими и в то же время разрушающими ими же созданное, рождающими и в то же время умерщвляющими ими же порожденное. Но созданный этими силами человек — носитель разума не может не сознавать бессмыслицы создания для того, чтобы созданное было разрушено. И неужели же роль разума должна ограничиться только созерцанием совершающегося, созерцанием мира, каков он есть? В таком случае зачем же разум нужен миру, зачем он явился в мир, если и ему, как и всему в мире, предстоит бесследное исчезновение? И может ли человек остаться пассивным, придя к такому сознанию, примириться с ним? Человек — существо не разумное только, но и чувствующее, а также и способное к действию; человек не только сознает бессмыслицу создания для разрушения созданного, но и чувствует боль разрушения, страдает от потери близких. Куда же он направит свою деятельность, если не на избавление от претерпеваемых им страданий? Причем разум — это сила, способная управлять всеми силами мира, т. е. высшая всех их, — не должен ли быть руководителем деятельности человека, который не может не стремиться к избавлению от претерпеваемых страданий, к сохранению своего существования, а также и к восстановлению тех, без которых его собственное существование становится горестным и теряет всякий смысл. Для эволюционистов, т. е. *верующих* в эволюцию, — доказать своей мысли они не могут, для этого нужно было бы повторить совершившийся уже процесс, — для эволюционистов разум в экономии природы никакого значения не имеет и иметь никогда не будет, — эволюционисты не сомневаются, что человек всегда будет смертен и никогда не перестанет смотреть на природу только как на кладовую, откуда можно добывать средства, но не для обеспечения своего существования, а лишь для удобств временной жизни и наслаждения, и всегда будет истреблять и расточать накопленные в ней богатства; т. е. эволюционисты смотрят на человека с его разумом как на агента, способствующего разрушению мира, ускоряющего неизбежный конец его. По мысли эволюционистов, род людской всегда останется разделенным на чуждые

друг другу народы и сословия, никогда не объединится и не делается, в качестве носителя разума, силою правящею, регулирующею, вносящею в действие мировых, естественных сил порядок, закономерность, целесообразность, никогда не делается силою создающею. По тому, что проповедуется последователями эволюционизма, вся деятельность людей должна ограничиться только эксплуатациею природы, общественными и политическими дрязгами. Не очевидно ли, что эволюционисты не продумали до конца, не дошли до конечных выводов своей собственной мысли.

Говоря о братстве, Н. Ф-ч утверждал, что братство без отечества немислимо: мы братья только по отцам, только потому, что мы сыны; без отца и сына нет брата. Сыновняя любовь есть необходимое условие и любви братской; если не любим отцов, не имеем сыновней любви, не будем любить и братьев. Все юридико-экономические отношения, сословность и международную рознь Н. Ф-ч признавал состояниями противобратскими, находил, что *гражданственность*, или цивилизация, заменила собою *братственность*, а *государственность* заменила *отечественность*. Отечественность — это не патриотизм, который вместо любви к отцам сделал их предметом *своей* гордости, т. е. любовь — добродетель — заменил гордостью — пороком, заменил, следовательно, любовь к отцам любовью к себе самим, *самолюбием*. Патриотизм стал отвлеченным понятием, под именем отечества стали разуметь совокупность живущих, жен и детей, т. е. самих же себя. Но отождествляя самих себя с отечеством, ставят, следовательно, самих себя целью; ставят целью свое наслаждение, и именно наслаждение, а не насущное, ибо насущное, необходимое предполагает, что наше существование нужно не для нас только самих, но для чего-то иного. Ставя целью наслаждение, отрицают необходимость действительной жизни отцов, а следовательно, и действительного братства, потому что наслаждение эгоистично по существу и в большинстве случаев требует взаимного исключения в пользовании этими благами. Люди, гордящиеся одним и тем же предметом, могут составить почетный орден, а не братство сынов, любящих друг друга. Гордость и самолюбие, как и все пороки, разъединяют, вносят вражду, и только любовь соединяет. Любовь к отцам приводит к сокрушению об их смерти и соединяет всех потерявших отцов в этом сокрушении, побуждающем к делу возвращения жизни отцам. И как только гордость подвигами отцов заменим сокрушением об их смерти, как только землю будем рассматривать как кладбище, а природу — как силу смертоносную, способную, однако, быть и живоносною, так и вопрос политический, равно и общественный, разделяющие людей, заменятся вопросом естественным, — вопрос о бедности и богатстве заменится вопросом о жизни и смерти.

Разрешение вопроса о небратстве, о неродственности, вообще о распадении рода человеческого на сословия, на богатых и бедных, зависит от разрешения вопроса о распадении на ученых и неученых, на людей мысли и на людей дела. Это же последнее распадение исходным пунктом имеет общие бедствия, каковы неурожай, болезни и смерть, избавление от которых зависит не от богатства, а от исследования причин этих явлений, что и вызвало выделение из общей массы — людей, занявшихся исследованием означенных причин. Но выделившиеся для исследования причин общих бедствий забыли о своем назначении, предались умственному наслаждению, занялись вопросом о том, *почему сущее существует*, вместо вопроса — *почему живущие страдают и умирают*, составили из себя высший класс людей, задавшийся целью управлять не слепыми силами природы, от которых зависит наша жизнь, а теми, из массы которых они выделились и которые оказались, таким образом, обреченными на механическую только работу добывания скудных средств существования себе и обильных — классу правящих, интеллигенции, живущей и устраивающей свой комфорт на средства, добываемые простым народом. В конце концов эти два класса, правящих (интеллигенция) и управляемых (простой, рабочий народ), образовали две породы людей, живущих разною жизнью, друг друга не понимающих даже и тогда, когда говорят на одном языке. И теперь настало время спросить выделившихся, как они смотрят на свое выделение из массы человечества — как на временное или же как на вечное; что они из себя представляют — *соглядатаев* ли того пути, который предстоит всем, или же они лучшее, высшее сословие, цвет и плод всей жизни человеческого рода? Является вопрос об ученых и интеллигенции как противоположности простому народу, т. е. о внутреннем распаде, разладе, или об уме, лишенном чувства и воли, вопрос о полной неродственности, как существенном свойстве ученых, считающих себя сверхчеловеками. От разрешения этого вопроса зависит дальнейшая судьба рода человеческого, и если ученые и интеллигенция останутся только сословием, живущим в городах, устраивающим свою городскую жизнь, основанную на эксплуатации села, сельских жителей и не возвратятся с приобретенным знанием в село, к сельской жизни, к могилам отцов, тогда дальнейший рост человеческого рода приостановится и мы будем обречены на вечное прозябание в том состоянии, в котором ныне находимся. Если же ученые и интеллигенты поймут, что они выделились для изучения, для исследования пути, по которому предстоит идти всем, тогда они обратятся в комиссию для разъяснения и решения прежде всего вопроса о причинах розни сословной, народной и всякой другой, возникшей между людьми, о причинах уклонения их, ученых, от задачи, которая только и может служить оправданием

выделения их из общей массы людей, — ученые обратятся в комиссию для изучения причин небратства, розни, которая делает нас орудиями слепой силы природы, орудиями вытеснения старшего поколения младшим, орудиями взаимного стеснения. Когда ученые придут к такому самосознанию, тогда и для всех станет ясно, что смысл братства заключается в объединении всех в общем деле обращения слепой силы природы в орудие разума всего рода человеческого для возвращения жизни тем, кто лишился ее, будет ясно, что наука не может быть знанием причин *вообще*, разрешением вопроса о том, *почему сущее существует*, а должна стремиться к разрешению вопроса о том, *почему живущие страдают и умирают*, т. е. наука должна быть изучением сил природы, от которых зависит наша жизнь, чтобы взять их в свои руки, чтобы управлять ими. А для этого необходимо, чтобы *всё* было предметом знания и *все*, а не одни только ученые, познающими, чтобы наблюдения производились *везде*, т. е. повсеместно, и *всегда*, т. е. непрерывно. Такое обращение *всего* в предмет знания и *всех* в познающих и даст нам силу и возможность управлять всеми силами природы, укажет нам и способ восстановить все разрушенное этими силами по их слепоте и бесчувственности... В нас, в людях, природа пришла в сознание, посмотрела на себя и почувствовала боль, причиняемую разрушением созданного. И такое сознание не может оставаться бесплодным, бездейственным, оно налагает на нас обязанность не только противостоять разрушению, но и восстановить все разрушенное, и прежде всего наших отцов, по которым мы братья; без возвращения же жизни им, нашим отцам, наше братство не будет иметь основы.

Вопрос о братстве, так поставленный, может быть противопоставлен и социализму, который злоупотребляет словом «*братство*» и искренно отвергает отечество. Социализм в настоящее время не имеет противника; религии с их трансцендентным содержанием, «не от мира сего», с их Царством Божиим внутри лишь нас, не могут противостоять ему. Социализм может казаться даже осуществлением христианской нравственности. Нужен именно вопрос об объединении сынов во имя отцов, чтобы объединение во имя прогресса, во имя комфорта, вытесняющее отцов, выказало всю свою безнравственность. Объединение во имя комфорта, ради своего удовольствия и есть самое худшее употребление жизни во всех отношениях и особенно в нравственном отношении. Социализм торжествует над государством, религиею и наукою; он не только не имеет противника, но даже не признает возможности его; а между тем социализм — обман: родством, братством он называет товарищество людей, чуждых друг другу, связанных только внешними выгодами; тогда как родство действительное, кровное связывает внутренним чувством; чувство родства не может ограничи-

ваться лицепредставлением и требует лицезрения; смерть лице-зрение превращает в лицепредставление, и потому чувство родства требует восстановления умершего, для него умерший не заменим, тогда как для товарищества смерть есть потеря, вполне заменимая.

Так развивал Н. Ф-ч во время совместного нашего пребывания в г. Богородске свою идею о *воскрешении*, которая явилась у него, по его словам, в самом начале пятидесятых годов, т. е. за 13–14 лет до нашей встречи. К сожалению, нам недолго пришлось пробыть в г. Богородске вместе. Вскоре после моего приезда, приехал туда на ревизию директор 1-й Московской гимназии Малиновский, наш начальник, от которого зависело назначение и увольнение учителей уездных училищ Московской губернии. Директора неприятно поразил костюм Н. Ф-ча, который большую часть своего жалования (27 руб. с копейками) тратил на бедных учеников, а потому и не мог одеваться сколько-нибудь прилично⁴. Неприятное впечатление, произведенное на директора, отразилось в придирчивости его к ответам учеников. Придраться же директор мог, потому что Н. Ф-ч, исполнявший свои обязанности не только добросовестно, но и делавший всегда гораздо больше того, что требовалось, — между прочим, сам остававшийся в классе с учениками, которые не знали заданного урока, до тех пор, пока они с помощью его не усвоят этот урок, — Н. Ф-ч не строго придерживался учебников, которые были тогда во всеобщем употреблении. Под историею и географиею в низших школах, каковыми и были уездные училища, Н. Ф-ч разумел все не формальные только (как грамматика и арифметика), а образовательные предметы преподавания, и по его мнению, при преподавании этих предметов в низших школах никаких учебников быть не может и не должно, — учебники должны быть заменены программами, фактический же материал для обучения, — которое должно быть и изучением местности, где школа находится, в географическом и историческом, т. е. во всех отношениях, — должен быть добыт учителем вместе с учениками — его сотрудниками. При таком обучении и изучении нужно уяснить как географическое положение данной местности, так и то, какое она участие принимала не только в делах Русской земли, но и в деле всего мира. Пособием при географическом изучении служило звездное небо. Прежде объяснения, что такое полюс, ученикам указывалась полярная звездочка, и они уже сами видели, наблюдая по вечерам, что эта звездочка остается на одном месте, а все остальные перемещаются вокруг нее. Во время осеннего и весеннего равноденствия указывался ученикам тот круг, который делало в это время солнце, и таким образом давалось понятие об экваторе и т. п. Таким же учебным пособием служила и земля с ее растениями, насекомыми и животными, а также и с местными памятниками старины. — Директор же спрашивал по учебнику, а когда

Н. Ф-ч хотел объяснить ему метод своего преподавания, не стал его слушать. Н. Ф-ч ушел из класса, оставив директора одного с учениками, и тотчас же подал прошение об отставке. Директору объяснили, что за человек Н. Ф-ч, и ему стала понятна бедность его костюма. К чести директора должно сказать, что он не принял прошения об отставке и так как Н. Ф-ч не хотел оставаться в Богородске после случившегося, то был переведен в Углич Ярославской губернии⁵.

В Богородске мы пробыли с Н. Ф-чем только несколько месяцев, до начала нового учебного года. В это время, по окончании учебных занятий перед Пасхою, в четверг на Страстной неделе, мы отправились в Москву пешком, вышли в час дня, а в семь часов вечера были за 35 верст от Богородска и ночевали, кажется, в Леонове. Рано утром вышли дальше и, подходя к Москве, слушали, как в разных церквях отбивали число прочитанных евангелий, и Н. Ф-ч говорил, что в Москве такой перезвон слышен всю ночь с четверга на пятницу, с шести часов вечера в четверг: в одних церквях служба двенадцати евангелий бывает с вечера, в других же утром с 2, 3, 4-х часов, а в монастырях с 8-ми часов вечера и кончается в два, три часа ночи. Вечерню в пятницу на Страстной, на выносе плащаницы, мы были в Успенском соборе, где служил тогда, в 1864 г., митрополит Филарет⁶. На Пасху Н. Ф-ч познакомил меня с Полтавцевыми. Полтавцев, известный актер Малого театра, был женат на родной сестре Н. Ф-ча, которую звали Елизавета Павловна⁷. И Н. Ф-ча называли у Полтавцевых Н<ико>лаем Павловичем. Почему это так, я тогда не знал, спросить об этом Н. Ф-ча не решался, — о себе он никогда ничего не говорил, — и только впоследствии узнал, от кого, не помню, что Н. Ф-ч — незаконнорожденный сын князя Павла Ивановича Гагарина⁸, богатого барина, имевшего большие имения в Елатомском и Спасском уездах Тамбовской губернии. В одном из имений Елатомского уезда и жил Н. Ф-ч в детстве. Учился он в Тамбовской гимназии, где в его время был учителем истории Измаил Иванович Сумароков, о котором Н. Ф-ч сохранил самые лучшие воспоминания и говорил о нем как об учителе, пробуждавшем в учениках самосознание. В конце пятидесятых годов И. И. Сумароков был управляющим Палатою государственных имуществ в Пензе, а в семидесятых годах — управляющим Казенною палатою во Владимире-на-Клязьме. После окончания курса Тамбовской гимназии Н. Ф-ч поступил в Одесский лицей⁹. В Одессе жил, кажется, его отец¹⁰. Лицея Н. Ф-ч не кончил: на последнем экзамене, который Н. Ф-ч держал блестяще, у него вышло какое-то столкновение с профессором, которое заставило Н. Ф-ча прервать экзамен и оставить лицей, не получив свидетельства об окончании курса. Все это я узнал не от Н. Ф-ча, а от других, от кого, — не помню.

В Угличе Н. Ф-ч пробыл всего один учебный год¹¹. Без Н. Ф-ча я не захотел оставаться в Богородске и перевелся в Бронницы¹². Летнее вакационное время 1865 г. Н. Ф-ч провел у меня в Бронницах... И после знакомства с Н. Ф-чем я не прекратил знакомства с революционным кружком моих товарищей; но продолжая с ними знакомство, к деятельности их я относился отрицательно. В видах отвлечения их от этой деятельности я пригласил к себе в Бронницы на время, когда у меня был Н. Ф-ч, самого даровитого из кружка — Петра Дмитриевича Ермолова, с которым был особенно дружен еще с Пензенского дворянского института. Но на Ермолова Н. Ф-ч не произвел такого действия, как на меня, потому, должно быть, что за год слишком, после моего отъезда из Москвы, деятельность кружка расширилась и углубилась, установились новые связи, с которыми трудно было порвать¹³. <...>

С начала учебного 1865–1866 года Н. Ф-ч из Углича перешел в Богородицк, Тульской губернии¹⁴. Рождество я провел у Н. Ф-ча в Богородицке. Отправился я из Бронниц пешком, дошел до Подольска. Железной дороги до Тулы тогда не было, ходили обозы, и от Подольска до Тулы я доехал с порожняком — так назывались обозы, возвращавшиеся из Москвы без клади. Как попал из Тулы в Богородицк, уже не помню. 28 апреля 1866 года я был арестован, потому что после покушения 4-го апреля я был неосторожен, не скрывал, что хорошо знаю Каракозова и его товарищей, и, не одобряя их поступка, говорил, что знаю их за людей хороших, хотя и заблуждающихся. Об этом было донесено¹⁵. После моего ареста был арестован и Н. Ф-ч по случаю знакомства со мною¹⁶. Под арестом Н. Ф-ч пробыл всего три недели, как ни в чем не виновный был освобожден и снова получил место учителя уездного училища в г. Боровске, Калужской губернии. А я был предан Верховному уголовному суду со всеми причастными к событию 4-го апреля, и за недонесение о том, что у Юрасова скрывался Домбровский¹⁷, был присужден к заключению в крепости на восемь месяцев с зачетом времени, проведенного под предварительным арестом, и с уменьшением этого наказания по случаю бракосочетания Государя-Наследника. 2-го декабря 1866 года я был освобожден из Петропавловской крепости; Страстную неделю и Пасху 1867 года я провел у Н. Ф-ча в Боровске, а затем поселился в Москве, где жил на случайный заработок уроками и перепискою. Когда наступили каникулы, пришел в Москву, выйдя в отставку, и Н. Ф-ч. Весь путь от Боровска до Москвы он сделал пешком; погода стояла тогда прекрасная и Н. Ф-ч не раз вспоминал это путешествие с большим удовольствием, он не пропустил ни одного ручейка и речушки, чтобы не искупаться в них, а купаться он так любил до конца жизни. В Москве мы поселились вместе; у меня был какой-то урок, за который я получал обед, а у Н. Ф-ча не было занятий.

Скоро пришлось голодать. Полтавцева в живых уже не было, и семейство его переехало в Казань. Н. Ф-чу пришлось опять поступить учителем в Подольск¹⁸, я же в конце лета 1867 года получил место помощника библиотекаря Чертковской библиотеки, которая помещалась тогда на Мясницкой в доме Черткова, в том крыле его, где теперь (1916 год) магазин Салаева¹⁹. Библиотекарем Чертковской библиотеки был П. И. Бартенев, издатель «Русского архива». Жалованье мое было 40 рублей в месяц, и дело мое состояло, кроме постановки на места новых книг, записи их в каталог и выдачи книг посетителям, которых было немного, в переписке документов для «Русского архива», в держании корректуры статей, помещавшихся в «Русск<ом> архиве», а также и тех изданий, которые в это время брал на себя Бартенев. Осенью 1867 г. я женился и, кроме занятий в Чертковской библиотеке, пришлось давать уроки; так что все время у меня было поглощено занятиями — с 9 часов утра до 3-х в библиотеке, а затем хождением по урокам. С июля 1868 года, когда у меня родился сын, мне пришлось особенно много трудиться для добывания средств к существованию, и в это время мы мало виделись с Н. Ф-чем, и я не знаю, как он жил и чем занимался, — учителем уездного училища он больше, кажется, не был... Так я прожил до мая 1869 г., когда получил место секретаря съезда мировых судей в г. Спасске Тамбовской губернии. Должность помощника [библиотекаря] Чертковской библиотеки занял после меня Н. Ф-ч²⁰; ему же я передал урок у Михайловского, который был членом Комиссии, образованной при Московском генерал-губернаторе для расследования всех обстоятельств, связанных с покушением Каракозова; в этой Комиссии допрашивали меня и Н. Ф-ча. В Михайловском, как и во всех членах Комиссии, Н. Ф-ч возбудил к себе полное уважение; по нем и ко мне члены Комиссии относились доброжелательно; этим и объясняется, что Михайловский не побоялся поручить обучение своих детей мне и Н. Ф-чу²¹.

В Спасске я пробыл всего год, — пришлось уехать из Спасска, потому что там исправник, любимец губернатора, вообразил себя необыкновенно большим человеком, бил направо и налево встречавшихся ему простых людей; случилось, что он наскочил своим экипажем на телегу крестьянина, выскочил из экипажа и избил крестьянина; тот подал жалобу мировому судье, но исправник заявил, что он не подсуден мировому судье уже потому, что исправник. Я написал статейку «Исправник всегда ли исправник?», которая была напечатана в «Судебной газете»^{21а}, и это вызвало донос на меня со стороны исправника. Жандармский полковник производил у меня обыск, ничего компрометирующего не нашел, тем не менее за мною учрежден был надзор, по всей вероятности негласный, но исправник обратил его в гласный: около ворот дома,

где я квартировал, был постоянно городской, а когда я выезжал куда-либо, тотчас же сообщалось туда о моем приезде. Словом, жизнь моя в Спасске сделалась невозможной. Н. Ф-ч, когда узнал о моем положении, просил Тришатного заступиться за меня пред Тамбовским губернатором, которым был тогда Гартинг (или Гартунг), женатый на родной сестре Тришатного, бывшего полицеймейстером г. Моршанска, а Тришатный был женат на сестре, по отцу, Н. Ф-ча, — княжне Зинаиде Павловне Гагариной²². Гартинг сообщил чрез Тришатного, чтобы я уехал из Тамбовской губернии, и тогда он оставит меня в покое. Поэтому из Спасска я переехал в Керенск, Пензенской губернии, где председателем земской управы оказался мой товарищ по Пензенскому дворянскому институту. Там я и устроился на должность секретаря съезда мировых судей и прожил 21 год до введения в действие положения о земских начальниках, хотя Гартинг и не исполнил своего обещания, а сообщил о моей «зловредности» пензенскому губернатору. Но к великому моему благополучию мировым судьей в Керенском уезде был тогда Василий Александрович Козлов, родной племянник Николая Васильевича Зиновьева, воспитателя детей Императора Александра II-го: В. А. Козлов заступился за меня, и я был избавлен от всяких преследований. — Считаю нужным отметить, что в то время, когда Н. Ф-ч был учителем уездного училища в Богородске, Зинаида Павловна Тришатная вместе с мужем навещала его; а это свидетельствует, что семейство натурального отца Н. Ф-ча не чуждалось его, и если он не воспользовался богатством своего отца и общественным его положением для занятия более видного положения, то это только по собственному его, Н. Ф-ча, желанию; он и впоследствии всегда хотел сохранить и в течение всей жизни своей сохранил за собою самое скромное, незаметное положение, хотя ему и делались не раз предложения занять несравненно высшее того положения, которое он занимал.

В то время, когда я жил в Керенске, Н. Ф-ч почти ежегодно на вакационное время приезжал ко мне в Керенск, а когда в ноябре 1874 года оставил Чертковскую библиотеку, то и сам хотел поселиться в Керенске; но это желание его не осуществилось, — в 1875 г. он поступил в Румянцевский музей²³, где и прослужил более двадцати лет. Ко времени оставления Н. Ф-чем Чертковской библиотеки относится письмо от 17 ноября 1874 года, в котором Н. Ф-ч пишет: «Бартенева я оставил... В настоящее время нахожусь у Чижова. Он, Чижов, предложил мне заниматься постоянно его библиотекою²⁴, т. е. ставить вновь приобретаемые книги и составлять систематический каталог — плата помесечно. Приняв же во внимание, что новых книг поступает не очень много, составление же систематического каталога не может быть постоянным, Вы увидите, что это занятие не только не может, но и не должно быть

постоянным. Есть у меня и другие работы, но тоже временные. Все это, полагаю, может быть покончено к мес<яцу> февралю или марту. Если к тому времени Вам предложат составление отчетов по мировым участкам и Вы найдете возможным передать мне эту работу, то этим доставите Вашему покорнейшему слуге удовольствие прожить хотя некоторое время в Керенске»²⁵. Упомянутый в письме Чижев — известный банковский деятель, который все свое состояние оставил на дело просвещения. О Чижове Н. Ф-ч говорил с большою симпатиею; напротив, И. С. Аксаков, который, благодаря Чижеву, пристроился к какому-то банку, ради получаемого там содержания, ему казался человеком в высшей степени напыщенным, воображавшим себя стоящим много выше других. Между прочим Н. Ф-ч рассказывал, как И. С. Аксаков распекал П. И. Бартенева за какой-то его поступок, быть может, и на самом деле не особенно хороший, но Н. Ф-ча поразил вид Аксакова, с которым он делал это распекание, вид человека, сознававшего необычайное свое превосходство над жалким, в этот раз, П. И. Бартевым, которого и Н. Ф-ч знал за грешника, по грехам его ушел и из Чертковской библиотеки, но тут вся симпатия Н. Ф-ча была на стороне грешника — П. И. Бартенева, а И. С. Аксаков показался ему фарисеем, кичащимся своею мнимою праведностью. Славянофилы, вообще, по мнению Н. Ф-ча, были не тем, чем они хотели казаться; славянофильство их было больше напускное, на самом же деле они были такими же западниками, как и те, которые носили это название, Запад и для них, славянофилов, был «страною святых чудес», — как выражался Хомяков^{*26}.

Служа в Чертковской библиотеке, у Бартенева, Н. Ф-ч познакомился с племянниками Бартенева Александром и Иваном Платоновичами Барсуковыми. Под влиянием Н. Ф-ча И. П. Барсуков написал свою книгу об Иннокентии — апостоле, можно сказать, алеутов, а затем митрополите Московском²⁷. И А. П. Барсуков не без влияния Н. Ф-ча пристрастился к занятиям, которые сделали его потом издателем архива Шереметьевых. Не знаю, был ли знаком Н. Ф-ч с Н. П. Барсуковым, написавшим известную книгу о Погодине²⁸.

С переезда моего в Керенск начинается новый период наших с Н. Ф-чем отношений. Идеи Н. Ф-ча нудили к тому, чтобы приложить их к делу, к жизни, и вот я задумал, следуя мысли Н. Ф-ча, устроить при школах Керенского уезда метеорологические станции, чтобы учителей и учеников обратить в исследователей той местности, где находится школа, сделать их наблюдателями по крайней мере явлений метеорических, столь важных для земледе-

* О Хомякове и Самарине — «Философия Общ<его> Дела», т. I-й, с. 361, 381, 415, 454, 504, 702.

лия. Для осуществления этой мысли я хотел обратиться к Керенскому земскому собранию с просьбой об ассигновании средств на приобретение инструментов, необходимых для устройства при школах метеорологических станций и об этом своем намерении сообщил Н. Ф-чу, но от него получил такой ответ от 10-го сентября 1873 года: «Предположение, о котором Вы говорите в письме своем от 29-го августа, мне кажется, встретит множество едва ли преодолимых в настоящее время затруднений, если даже ограничиться на первый раз введением наблюдений в *одной* только школе. Упомяну о некоторых. Для барометрических наблюдений нужно определить предварительно высоту места над уровн^{ем} мор^я; инструменты должны быть выверенные; со стороны учителей требуются некоторые познания в физике и физичес^{кой} географии. Кроме того, дороговизна инструментов может возбудить неудовольствие в Земс^{ком} собрании, для которого все это будет казаться излишнею роскошью (цена барометров — 10–30 руб.). Эти затруднения главным образом зависят от недостатка в наших городах специалистов (землемеров, врачей и пр.), которые и хотели и могли бы принять участие в этом деле. Ввиду таких затруднений, мне кажется, следовало бы, отложив на время представление этого предположения Земскому собранию, заняться подготовительною работою и прежде всего приобрести для учителей, желающих ознакомиться с этим делом, какое-нибудь руководство к метеорологии... Желая, сколько могу, содействовать Вам в этом предприятии, я постараюсь не пропустить ни одного сочинения, выходящего по этому предмету, и извещать Вас о них своевременно. О всем прочем надеюсь переговорить с Вами лично».

Необходимо отметить, что на Н. Ф-ча болезненно действовало всякое обращение к кому бы то ни было с просьбою о деньгах; все, что строится на деньгах, ему казалось непрочным, эфемерным, он всю надежду возлагал на труд даровой, безвозмездный, из побуждений религиозных.

Живя в Керенске, я старался с помощью Н. Ф-ча изучать Керенский край во всех отношениях: Н. Ф-ч собирал сведения о Керенске и о всем Керенском крае в московских книгохранилищах, а я собирал старые документы у керенских помещиков, знакомился с церковными архивами²⁹. В письме от 10 января 1874 г. Н. Ф-ч мне пишет: «Я начал собирать различные сведения, относящиеся к Керенскому краю. Из этих материалов можно составить *местн^{ый} историческ^{ий}* учебник, который мог бы заинтересовать не одних только учащихся изображением того участия, которое принимал любимый Вами Керенск, как и всякий другой уголок России, в делах Русской земли и какую службу сослужил этому делу... Об этом предмете надо говорить или очень много, или уже ничего не говорить. При свидании будем говорить много, и тогда,

я надеюсь, Вы пожелаете принять деятельное участие в сей работе». — От помещика в селе Лундане я получил свиток, заключающий в себе акт пожалования Вешнякову имения при с. Лундане, из которого видно, что имение это было отобрано от татарина Асайки Бекбулатова Карачурина, владельца множества и других имений в Симбирске и Казанском крае, и все эти имения были от него отобраны, как от соучастника Стеньки Разина. Асайка Бекбулатов Карачурин, содействуя Разину, должен был поднять казанских татар. Карачурин бежал и разыскан не был; в Вешняковском акте выписаны показания Разина, которые он давал об Асайке Карачурине под пытку. Таким образом, опровергается свидетельство Костомарова, будто Разин и под пытку ничего не сказал. Этот документ был в руках С. М. Соловьева и Н. А. Чаева, и они признали важное его значение³⁰. В письме от 27 июля 1874 г. Н. Ф-ч пишет: «Выпись, данная Вешнякову на поместье Асайки Бекбулатова Карачурина, по словам Чаева и Соловьева, имеет немаловажное историческое значение. По желанию Чаева, занимающегося специально этим временем, я убедительнейше прошу Вас переслать к нему помянутую выпись. Адрес его: *Москва, Оружейная Палата, Помощнику директора Н. А. Чаеву*. По снятии копии рукопись будет возвращена к Вам в целости. Он же, Чаев, желал бы напечатать вполне всю выпись в приложении к своей книге, которая готовится им в настоящее время к печати, и предлагает, сколько пожелаете, отисков с этой выписи». — В письме от 12 августа 1874 г. Н. Ф-ч пишет: «Очень жаль, добрейший друг Николай Павлович, что Вы не побывали в Москве, я сообщил бы Вам небезынтересные сведения о Керенске XVII-го века. Те страницы, которые означены в прошлом письме, переписаны и ждали Вас. Конечно Вы, по всей справедливости, можете мне заметить, что *выпись* не заставила себя ждать. Сознывая себя неправым, могу только благодарить Вас за ту дружескую поспешность, с которою Вы исполнили мою просьбу. Чаев не замедлил также письменно выразить Вам свою искреннюю признательность». В письме от 27 июля 1874 года к тому, что выше сего здесь выписано, прибавлено: «Данные к истории Керенска, относящиеся ко времени Асайки, можно найти в «Материалах», изданных «Русскою беседою» в Москве 1857 года на стр. 134, 135, 151, 163, 164 и многих других»³¹. Об этих страницах Н. Ф-ч и упоминает в письме от 12 августа 1874 года. Была ли напечатана Чаевым книга, о которой Н. Ф-ч говорит в письме от 27 июля 1874 г., я не знаю, но отисков выписи на имение Асайки Бекбулатова Карачурина при с. Лундане, данной Вешнякову, я не получил. <...>

Сведениями, которые доставлял Н. Ф-ч из Москвы и я добывал на месте, воспользовался брат мой, Григорий Павлович Петерсон, бывший земским и городовым врачом в Керенске; он помещал в

«Пензенских губернских ведомостях» «Очерки Керенского края», из которых составилась довольно значительная книга³². А я знакомился с местностью Керенского уезда, проходил по ручейкам и речушкам, впадающим в реку Вад, на берегу которого стоит г. Керенск, начиная от устья до их истоков, описывал эти свои экскурсии в письмах к Н. Ф-чу <...>. — Знакомясь с местностью Керенского уезда, я нанес на план уезда древний вал, защищавший от набегов татар, который идет по всему уезду, от границ Спасского уезда Тамбовской губернии, до границ Нижне-Ломовского уезда Пензенской губернии. План этот передан мною в Пензенскую архивную комиссию.

Много собрано было в Керенском уезде мною старинных документов и, к моему величайшему сожалению, эти документы, в том числе и Вешняковская выпись на имение Асайки Бекбулатова Карачурина, были отправлены профессору Казанского университета Николаю Павловичу Загоскину³³, согласно его просьбы, напечатанной в газетах, на которую я посмотрел как на требование серьезное. Впоследствии некоторые из документов мне были нужны, и я обращался к г. Загоскину о возвращении их, но, несмотря на мои неоднократные настояния, никакого ответа не получил; и этим был поставлен в весьма неприятное положение в отношении вышеупомянутого Н. Х. Логвинова, мужа Ольги Петровны Ранцевой, бывшего тогда Керенским уездным предводителем, а затем, в начале девяностых годов, уфимским губернатором, документы которого на имение при с. Шеине тоже были отправлены профессору Загоскину³⁴. Всего документов отправлено мною Загоскину целый пуд, и где они находятся, я и до сих пор не знаю, и профессор Загоскин, как мне стало потом известно, даже не воспользовался ими.

Желая осуществить идеи Н. Ф-ча, кроме прямых своих обязанностей секретаря съезда мировых судей я принял на себя заведывание Керенскою публичною библиотекою, которую собрал врач Христофор Иванович Чудновский, а после его смерти, последовавшей до моего еще приезда в Керенск, она была без призора³⁵. Затем я сделался церковным старостою Покровской г. Керенска церкви, устроил при библиотеке метеорологическую станцию, тут же помещалась церковная школа и приходская больничка. По поводу устройства больницы Н. Ф-ч писал мне: «Больница есть также одно из средств к объединению прихода в общей заботе и к воспитанию прихожан. Только доставляя возможность делать пожертвования для больницы, Вы сделаете истинное благодеяние приходу. Не одни богатые, но и бедные не должны быть лишены этой святой возможности: достаточно нарубить или принести охапку дров, привезти воды в больницу, чтобы послужить “приходу и больнице на пользу”, а себе на душ<евное> образование. Следует, мне кажется, избегать, сколько только возможно, денежных по-

жертвований, ибо деньгами откупаются от сердечного участия в деле. Тряпка, принесенная в больницу, имеет больше образовательного значения, чем денежное пожертвование. В тряпку может быть много вложено души, а только от такого вклада “вещь” получает истинную “ценность”. (Политическая экономия не знает такой ценности, ибо эта бездушная наука, считая личную выгоду за единственный двигатель человеческих действий, не только принимает порочное состояние человека за нормальное, но и узаконяет его, т. е. порок возводит в добродетель. Приходская же больница, как неотделимая часть церкви, как “осуществленная молитва о больных”, экономическую свою сторону не отделяет от воспитательной.) Через тряпки и бабы могут сделаться попечительницами больницы. Кроме того, они могут принимать и личное участие в больничном деле: почему бы вместо одной постоянной сиделки не предоставить исполнение этой должности усердию всех прихожанок, когда и сколько времени каждая из них пожелеает. Таким путем все прихожане без различия пола, от мала до велика могут быть соединены в общем служении больнице, и иго этой службы будет благо, и бремя содержания ее будет легко. Только тогда прихожане будут считать больницу “своею” и будут дорожить ею, когда она будет поддерживаться усилиями и попечением всех, ибо только то любит человек, на что положил он свой труд и свою заботу.

Как ни важны пособия сами по себе, но еще важнее то воспитание, та привычка, которая усваивается этими действиями. Пособие — это доход, воспитание — капитализация дохода. Первое — жатва, последнее — земля, почва, приносящая постоянные урожаи. Желательно, чтобы пособия делались руками детей; для них это будет превосходная школа, лучший урок, образование, словом, общение. Только внутри души прихожан может быть положено прочное основание больнице, способное к беспредельному совершенствованию. Сочувствие, расширяясь более и более, отдает самих [себя] и всю природу обратит в средство лечения, восстановления. Тогда медицина, врачебное искусство, отождествится с Религиею, сделается орудием сей последней.

Относительно денежных пожертвований нужно особенно быть осторожным в приеме их, — не только не просить о таких пожертвованиях, но даже отказываться, если будут их предлагать; благодарить, но не принимать, если будут даже просить о приеме их; тогда только нельзя будет отказать, когда усиленно будут умолять о приеме, как о благодеянии для них, дающих. (Малое пожертвование предпочитать большему.) Такое даяние будет идти от души и потому не может быть отвергаемо. Все сказанное есть только слабый комментарий на притчу о двух лептах.

Приношение, очищенное от всякого принуждения, от самой тени духовного насилия, даст начало настоящей больнице, а не

тем призракам больниц, которых довольно много в настоящее время. Отсутствием всякой принудительности, расчета и выгод “*приход*” резко отличается от всяких обществ, построенных на юридических или экономических началах. Экономическое общество тем отличается от церковного, или психического, что в первом “*вещь*” служит не выражением сочувствия, а яблоком раздора — молитва Спасителя представляется в извращенном виде: ты не во мне и я не в тебе...

Счастливы Вы, занимая место *без власти в беднейшем* приходе беднейшего из городов России, также небогатой сравнительно с другими государствами. Должность церковного старосты есть совершенно новая должность: ибо были храмовые старосты, называвшиеся только церковными»³⁶.

Сохранилось и другое письмо по поводу той же больницы, в котором Н. Ф-ч пишет: «Спешу ответить на Ваше письмо. Вчера только (9 февраля) его получил. Чем занять учеников при посещении ими больницы, — спрашиваете Вы. Ответ должен заключаться в самом вопросе, если вопрос поставлен надлежащим образом. Из письма Вашего видно, что больница, по недоверию ли прихожан к новому для них делу, или по каким другим причинам, не могла начать своей деятельности. Следовательно, и занятия детей, при посещении больницы, должны заключаться пока в приготовлении только к уходу за больными. В настоящее время готовится ко 2-му изданию, измененному и дополненному, книга доктора Залуговского под таким именно названием: “Уход за больными”³⁷. Судя по рассказам г. Залуговского (он иногда бывает в библиотеке), книга его может служить некоторым пособием при занятиях с детьми в больнице. Само собою разумеется, занятия не исключают и знакомство с анатомическим устройством человеческого тела и с гигиеною, как желаете Вы и Ваш брат. Если вышеозначенная книга 1-го издания еще находится в продаже, то я не замедлю прислать ее к Вам»³⁸.

Приходская больничка, устроенная мною, обратилась в богадельню, в которой доживали свой век две бесприютные старушки. Крестьяне, да и все, кто живет в семействе, имеет свой угол, неохотно расстаются со своею домашнею обстановкою, как бы плоха она ни была, и будучи больны, гораздо охотнее лечатся у себя дома... Устроенная приходская школа, где я был бесплатным учителем, не могла долго существовать, потому что обязанности мои по должности, которая давала мне средства к существованию, мешали мне исполнять учительские обязанности. Только заведение публичною библиотекою и метеорологическою станциею я мог довести до конца моего пребывания в Керенске: в июне 1891 года я переехал в г. Мокшан Пензенской губернии, куда был назначен на должность городского судьи.

Только в Керенске началось письменное изложение того, что я слышал до тех пор от Н. Ф-ча лишь на словах. В то время, когда Н. Ф-ч приезжал ко мне в Керенск, преимущественно на вакационное время, он мне диктовал, а я под его диктовку писал. Было это обыкновенно вечером до часу и двух ночи, когда я был свободен от моих обязательных занятий, а потому написанное было с пропусками и другими погрешностями. Когда Н. Ф-ч уезжал из Керенска, я все при нем написанное исправлял и переписывал в двух экземплярах, один оставлял у себя, а другой посылал Н. Ф-чу. Он тоже исправлял, изменял и дополнял посланное мною, и сообщал мне, что им изменено и чем дополнены посланные ему листы; по его указаниям я исправлял и мой экземпляр. Мне хотелось сделать известным то, что я слышал от Н. Ф-ча, потому что не мог не сознавать и не чувствовать великого значения этого; но сам Н. Ф-ч находил все это недостаточным, неполным и плохо выраженным. В конце 1877 года я сделал краткое изложение слышанного мною от Н. Ф-ча и это мое изложение послал Ф. М. Достоевскому, не говоря об этом Н. Ф-чу, так как наперед знал, что он не согласился бы на такую посылку, нашел бы мое изложение неполным, ненадлежаще выраженным и даже, может быть, в чем-либо неверным. Посланная мною тетрадка³⁹ вызвала письмо Достоевского от 24 марта 1878 года, в котором Ф. М-ч писал мне: *[далее приводит-ся текст письма — воспроизведен в Антологии выше]*.

Получив это письмо, я отправил его Н. Ф-чу, а затем отправил к нему и черновик тетрадки, посланной Достоевскому. По поводу этих посылок сохранились два письма Н. Ф-ча от 25 апреля и от 20 мая 1878 г; в 1-м письме Н. Ф-ч пишет, что до половины июня нельзя надеяться на свидание. «А до того времени, как бы ни было мне желательно побеседовать с Вами письменно о вопросах, затронутых в рукописи, но я должен отказать себе в этом удовольствии. На рукопись пришлось сделать столько замечаний, что ни в каком письме их уместить невозможно. Всякое же сокращение может повести только к большим недоразумениям. Ответ на Ваше первое письмо хотя и был готов при получении рукописи, но по тем же причинам я послать его теперь не могу, а сохраню до личного свидания с Вами». Во 2-м письме, от 20 мая, Н. Ф-ч писал: «Рукопись Ваша (т. е. черновик посланного Достоевскому), многоуважаемый друг мой Николай Павлович, далеко не произвела на меня такого неприятного впечатления, как Вы полагаете. Недостатки, кои в ней, по моему мнению, заключаются, могут только послужить к вящему уяснению самой сути дела. Мне кажется, достаточно трех или четырех дней личного свидания, чтобы придать ей надлежащий вид. Если Вам нельзя будет побывать в Москве, то не забудьте, что я буду свободен от занятий по библиотеке от 15 или даже 14 июня». — В этот (т. е. 1878-й) год Н. Ф-ч приезжал в Керенск

во второй половине июня всего недели на две. В это время был начат ответ на письмо Достоевского, причем было пересмотрено все ранее написанное и положено начало установлению текста «Записки от неученых к ученым по вопросу о братстве и причинах небратского состояния мира», — вышедшей уже после смерти Н. Ф-ча под заглавием «Философия Общего Дела»⁴⁰. В этот приезд Н. Ф-ча было написано то, что начинается словами: «Находясь чуть не тысячу лет почти с самого возникновения России в постоянной борьбе с Исламом» и проч. (стр. 64-я I-го т<ома> «Филос<офии> Общ<его> Дела»). Всего написано было в это время и к августу затем переписано тринадцать листов, как это видно из писем Н. Ф-ча от 14, 23 и 29 июля. В 1-м письме он пишет: «Премного благодарен Вам за высылку 4-х листов рукописи, полученных мною при двух письмах, первое от 4-го и второе 8-го июля. Ответ на Ваши письма не мог доставить к Вам тотчас по получении их: дождь, грязь и холод помешали мне быть в Москве, откуда только и можно отправить письмо. Кроме того, спешу окончить к Вашему приезду в Москву работу, начатую в Керенске, — приготовлено 8 листов, кои составляют, как мне кажется, необходимое и продолжение, и объяснение, и дополнение к находящимся у Вас листам. Поправки, сделанные Вами, мне кажутся и совершенно уместными, и необходимыми. Вообще вся рукопись требует и пересмотра, и исправления. С нетерпением жду Вашего приезда». В письме от 23 июля Н. Ф-ч благодарит за присылку еще трех листов (9–11). В письме от 29 июля подводится итог всего полученного от меня, а именно двух листов введения и одиннадцати листов текста⁴¹.

В августе 1878 г. я сам поехал в Москву к Н. Ф-чу и повез с собою второй экземпляр того, что было написано в приезд Н. Ф-ча в Керенск и затем мною переписано. Со мною было и письмо Достоевского. На станции «Пачелма» Сызрано-Моршанской тогда, а ныне Сызрано-Вяземской железной дороги я встретился со Львом Николаевичем Толстым, — он возвращался из своего Самарского имения в Ясную Поляну со всем своим семейством; сам Л. Н-ч с сыновьями и учителем ехал в вагоне 3-го класса, где и я поместился, а супруга его с дочерьми были в вагоне 2-го класса. Проехал я с Львом Н-чем до Ряжска и сообщил ему о Н. Ф-че, о долге воскрешения, прочел ему письмо Достоевского и те тринадцать листов, которые были написаны в ответ на письмо Достоевского. О Достоевском Л. Н-ч говорил с большим уважением, причем выше всего ставил его «Записки из мертвого дома», а о долге воскрешения сказал, что это ему не симпатично. Тем не менее осенью или зимою того же 1878 г. он был в Румянцевском музее и, подходя к Н. Ф-чу, сказал, что знаком со мною⁴². Так началось знакомство Н. Ф-ча со Л. Н-чем Толстым.

В Москве мы продолжали писать ответ Достоевскому, но конца ему не было видно и 21 ноября 1878 г. Н. Ф-ч писал мне: «Приношу Вам глубочайшую благодарность за доставление рукописи. При поспешности, с коею она была составляема, в нее вкралось так много недостатков разного рода и оказалось так мало порядку, что чтение этой рукописи произвело на меня не очень приятное впечатление, особенно последние листы. Исправления начаты, и я постараюсь окончить их к Вашему приезду. Я очень нуждаюсь в Вашем совете и помощи. Отправляя последнее письмо, очень опасался я, чтобы Вы не прочли в нем нежелание с моей стороны выслушивать замечания. Могу Вас уверить, что именно страдаю от того, что ни от кого не слышу их». — К сожалению, письмо, о котором тут говорится, не сохранилось. Так до самой смерти Ф. М. Достоевского и не был готов ответ на его письмо⁴³.

К концу 1881 года у нас образовалась довольно значительная тетрадка, начинавшаяся противопоставлением Ислама, магометанского единства христианскому учению о Божественном Троицизме, в котором, по мысли Н. Ф-ча, заключался образец для нашего человеческого *всѣ*единства, а не *все*-единства, а именно *всѣ*единства, чем желательно было выразить единство личностей при полной их самостоятельности, полное единство без поглощения их, как это в магометанстве. Эта тетрадка в начале 1882 г. была прочитана В. С. Соловьевым. В письме от 12 января 1882 г. Н. Ф-ч пишет: «Благодарю Вас за присылку рукописи. Сегодня я получил письмо от Владимира Сергеевича, которому сообщил эту часть рукописи для прочтения. Вот начало этого письма: “Прочел я Вашу рукопись с жадностью и наслаждением духа, посвятив этому чтению всю ночь и часть утра, а следующие два дня много думал о прочитанном”. Далее заявляется *безусловное* согласие с прочитанным. Говоря беспристрастно, в рукописи много недостатков, и самый существенный состоит в том, что у этого, если можно так выразиться, здания нет входа и хотя он строится, но еще не окончен. Желание Ваше относительно Н. Н. Страхова отчасти исполнилось. Он читал начало рукописи (предисловие). В споре, возникшем по этому поводу, сторону рукописи держали Л. Н. (Толстой) и Вл<адимир> Сер<геевич> (Соловьев), а Н. Н. Ст<рах>ов был против рукописи⁴⁴. Меня при этом не было». — В письме от 12 января 1882 г. Н. Ф-ч ограничился выпискою только начала письма В. С. Соловьева, но за этим началом следовало вот что: «“Проект” Ваш я принимаю *безусловно* и без всяких разговоров [приводится текст письма В. С. Соловьева от 12 января 1882 г. — см. его в Антологии выше]». <...>

